

Автор: Лукьянов О., Автор: Чичкова Г. (Россия)

«Мы с каждым днем все хуже. И каждый, и все человечество с каждым днем все хуже. И поэтому, если говорить о качестве людей, то лучше всего тот, кто это чувствует, т.е. тот, кому с каждым днем все хуже и хуже»

Венедикт Ерофеев. Из записных книжек.

Время жизни (экзистенция) — это, все-таки, время чего? Стоит ли думать о времени? Может, достаточно думать о вещах? Живет ли экзистенциальная традиция в наших словах и делах? Насколько важны мои дела и тексты (вроде новые) по сравнению с текстами М. Хайдеггера? Может, о жизни думает тот, кто не умеет жить?

Говорят, что если подобные мысли появились в голове, значит пришло время психотерапии. А во время психотерапии чем стоит заниматься?

Большую часть времени психотерапии клиенты и психотерапевты думают. Думают перед терапией и после, думают продуктивно и паразитически, по своему желанию или навязчиво. На думание возлагаются большие надежды. При этом действительность показывает, что думание — лишь одна из обязанностей, возложенных на человека. Конечно, как любая обязанность, она должна выполняться вовремя, но когда это время?

Думание полезно, под прикрытием щита мыслительных событий мы проникаем в сферы понимания, как практики жизни. Думание — это пропуск, но куда? Как не потерять жизнь от избытка или недостатка мыслей? Как правильно выполнить обязанность думать в конкретных условиях встречи?

Экзистенциальная традиция, кроме всего прочего — это сохранение и защита юмора от всяческих рационализаций, традиция передачи особой натренированности восприятия, стремящегося оживить и обновить человека. В наше время этот аспект экзистенциальной традиции умножает свое значение, так как юмор, наряду с другими проявлениями духовности, становится предметом экономических отношений. И как это происходит в таких случаях, юмор становится больше средством для жизни, чем собственно жизнью. Жизненность юмора теряется, так как естественным образом теряется жизнь языка, обычая, мифа, ритуала, образа и многого другого. Это естественный процесс, а экзистенциальная традиция — способ противостоять этому естеству.

Эта работа не смешная, она скучная, потому что это — попытка обесценить существующее понимание юмора и способствовать его обновлению.

Случай.

На одном из конференционных мероприятий факультета психологии Томского государственного университета докладчики из числа преподавателей долго и основательно рассказывали о том, как они организуют для студентов группы, в которых участники живут полноценной культурной и психологической жизнью. Из зала прозвучал вопрос: а можно ли сделать так, чтобы не в группе была культура и психология, а в жизни, что бы студенты не просто в группах занимались, а жили более настоящей жизнью? Ответа не прозвучало. Преподаватели продолжали рассказывать о своих группах. Они были умными преподавателями и понимали, что в ответ на такой вопрос можно только пошутить, но не хотели этого делать. Они хотели, чтобы к их работе и их мыслям студенты относились серьезно.

Я могу стерпеть пренебрежение моими идеями, они останутся моими, но не могу вынести иронию над ними. Ирония убивает мои мысли? Ирония уменьшает мою жизнь?

«Психотерапия может быть только репетицией жизни, но не самой жизнью», пишет Эмми ван Дорцен [6]. Психотерапия — это пока не избавился от ненужного страдания, она не навсегда. Значит надо стремиться меньше времени репетировать, а больше жить? Но если психотерапия не на всю жизнь, то тогда это не терапия, а просто процедура.

Экзистенциальная терапия дорога нам тем, что она — не только психотерапия, она часть экзистенциального праксиса — праксиса человеческой жизни, конкретизирующейся в полноте времен, она позволяет нам быть исследователями смыслов жизни. Экзистенциальный праксис, как более масштабный по сравнению с любым вульгарным способом понимать и отвечать действительности, оформляется в терапию при наличии заказа от клиента, в условиях времени встречи с терапевтом, на основании имеющейся в обществе культуры представлений о терапии. Но что представляет собой экзистенциальный праксис до этого, после этого и вне этих условий? Какова жизненная тенденция встречи в экзистенциальной традиции?

В общем смысле, это экзистенциальное наставничество. Формирование системы установок более честной и подлинной жизни, чем система установок, абстрагированных от жизни или от времени. Устойчивое и живое развитие экзистенциальной терапии происходит в контексте традиций экзистенциального наставничества — опыта, в котором люди находят экзистенциальные основания для возобновления жизни. Очень часто люди, интересующиеся психотерапией, говорят, что им нужен «толчок», «пинок», «стимул» и т.д. Это и есть первичная просьба о наставлениях, о наставлении на путь, о направлении, о возможности начать работу, о способе, о силе и пр.

В горизонтах экзистенциального наставничества, становясь живыми во времени, мы

встречаем и науку, и искусство, и религию, это «большие государства» со своими границами и историей и, прежде всего, со своей экономикой. Ведь основание оформляется ценностями, а ценность — понятие экономическое. Но есть на этом пути места вне стен и дорог — неэкономические, абсолютно-ценные переживания без права собственности, встречающиеся как мгновения, точки. «Точки отсчета», «точки сборки», «точки принятия решений», «точки зрения», «точки пересечения» и другие. Не экономические блага, а жизненные подарки, спонтанные и одновременно постоянные со-стояния.

Экзистенциальная традиция обладает своим специфическим потенциалом наставлений, представляющим культурный капитал, позволяющий человеку воспроизводить не просто самого себя, но воспроизводить высшие аспекты своей природы. Заземлять их в конкретные моменты переживания и присутствия в ограниченных возможностях далеко не райской жизни — в точки.

Заметим, что не следует путать заземление в точку и частую привычку сводить жизнь к одной точке. Экзистенциальная традиция не сводит все к одному, а наоборот, через единицу ведет к единению. Экзистенциальная традиция позволяет видеть за каждой точкой возможность и условия возможностей. Экзистенциальная традиция останавливает летящее по инерции внимание и предоставляет шанс освободиться от скованного и утомляющего движения.

Представьте себе точку на листе бумаги. Так называемая элементарная пространственная фигура — точка может иметь возможность воспроизводиться только тогда, когда в пространстве возможны пересечения плоскости и прямой, в данном случае плоскость листа бумаги и прямая движения карандаша. То есть для того, что бы возникали точки, в том числе те же самые, повторяющиеся, возможность пересечения прямой и плоскости уже должна быть. То есть время жизни плоскостей и прямых первичнее.

Достаточно много различных плоскостей и прямых могут дать одну и ту же точку, но при всей множественности и многообразии эти прямые и плоскости определены бытием конкретной точки. Так видение за точкой оснований ее бытия открывает нам свободу пространства. Свобода не только в границах, свобода в самой экзистенции. Точка не ограничивает и не освобождает множество плоскостей и прямых, точка лишь проявляет. А прямые и плоскости тоже лишь проявляют себя в точке.

Что за основание обеспечивает возникновение прямых? Пересечение плоскостей. Получается, что точка как бытие во времени вовсе не точка, а пересечение как минимум трех плоскостей. При этом плоскости могут быть разные, главное, что они пересеклись именно здесь. Именно поэтому не интересны споры о выделенных путем анализа плоскостях (теоретических конструкциях), их можно много выделить в зависимости от метода, интересны события пересечений. Все, что мы видим в законченной форме — лишь временное явление, одна из стадий. Экзистенциальная традиция напоминает об этом и принуждает каждого человека эти динамические принципы пересмотреть. Экзистенциальная традиция не может себе позволить выразить себя в однозначных

сущностях, она выражает себя в пересечениях. Самый небольшой акт экзистенциальной терапии, философии или литературы отражает в себе это измерение к свободе бытия во времени.

Есть экзистенциальный опыт и в каждом акте повседневной жизни. Юмор — одна из точек, которая открывает нам пересечения жизнеобразующих плоскостей. Юмор невозможно изучить, но юмор можно использовать как дверь к свободе экзистенциального опыта. Эта дверь, как и дверь счастья С. Кьеркегора, открывается не внутрь, а изнутри, юмор случается, а не делается, но эта дверь открывается гораздо чаще, чем дверь счастья или спасения.

В нашей жизни и юмор становится бизнесом, и психотерапия производством. Это не смешно.

Исследование юмора имеет целью уточнить и расширить наш взгляд на условия пребывания человека в качестве подлинной экзистенции в конкретных «элементарных» моментах своей активности. Понять юмор, содержащийся под покровом мыслительной деятельности. Вряд ли это можно продать или использовать. Это — бесполезное исследование.

Юмор под покровом чужого ума

«Не женись на девушке, которая не смеется вместе с тобой».
Старая английская поговорка

Требуется особая острота ума, почти особый врожденный талант для того, чтобы быстро обдумывать и создавать смешные вещи в нужный момент, и далеко не всякому дан этот дар природы, дар быстрого и умного ответа, «дух отповеди» — *esprit de repartie*, как его называют французы.

Юмору учит жизнь и жизнь других людей в том числе.

Юмор связывает жизни людей и отдельные части их жизней в экзистенцию. Живость человека ограничивается как отсутствием дара юмора в его конкретном случае, так и недостатком этого дара в культуре, в языке, в традициях.

У меня, например, иногда хватает мужества дать такую отповедь студенту, клиенту, приятелю, но нет этого мужества в повседневной жизни. Как суметь быстро и точно ответить в повседневной жизни?

Я иногда чувствую себя едва живым, и попытки других меня тоже не веселят. Юмор, острота ума, выражающаяся в быстром, ловком, полном меткого намека ответе, так высоко ценится, имеет такой обширный круг любителей, что только этим и можно объяснить существование у всех цивилизованных народов целого пласта литературы, посвященной остроумию.

Остроумные слова разным образом систематизированы. Но, что стоит за всеми этими системами? Что происходит при рождении остроумных слов? Отыскать достаточно живого ответа в энциклопедиях и словарях нам не удалось. Но исследование литературы заинтриговало.

Юмор — это какой-то особый специфический способ чтения, пребывания, присутствия во внимании. Если остроумную книгу, написанную по-русски, с равной охотой читают на польском, татарском, венгерском, грузинском, эстонском, испанском, немецком, французском... Если переводчица — англичанка, по собственной инициативе целый год мучается над эквивалентами нашего юмора... Значит, дело в некоем общем свойстве способа чтения, делающего созвучными разноязыких, разноликих, разномыслящих, разноживущих людей, в какой-то общей потребности или недостаточности, общей невооруженности, общей жажде [4].

Как прикоснуться к юмору других людей и как стать богаче юмором самому? Что мы увидим, если рассмотрим юмор в экзистенциальном измерении? Сможем ли увеличить количество блага — времени своевременных, точных ответов и отповедей? Станем ли свободнее для жизни?

«Экзистенциальное» — отчасти синоним «подлинного»: это решимость задуматься об истинных желаниях, выйти из стереотипов, оказаться перед реальностью — с ее свежестью и «расколдованностью» [8].

Пока в этой работе нет ничего экзистенциального, а может, и не будет. Все это в лучшем случае лишь «чучело экзистенции».

Исходные предпосылки исследования:

- Человек — это экзистирующий в юморе.
- Юмор — это форма экзистенциального опыта.
- Переживание и выражение юмора — это оформление экзистенциального опыта преодоления и пребывания.

Случай

«Все началось с того, что, определившись с научным руководителем, я пришла на первую встречу, сказала, что хочу писать о юморе, и расплакалась. Была обычная жуткая депрессия, но почему о юморе? И почему расплакалась? Мне казалось, что ничего не получится, что у меня — и про юмор... Но, какая-то неведомая нить все же существовала, и о юморе хотелось писать. Скорее всего, все началось гораздо раньше, все началось давно, даже не знаю когда, а обозначилось два года назад во сне. Память сохраняла сон, потребность в юморе актуализировалась даже в депрессивном состоянии.

Расскажу предысторию ко сну — явь: остро пережив «увольнение» из спортивной

школы (в подростковом возрасте), не слушая диагнозы и прогнозы врачей, я очень долго боролась с лишним весом. В результате мной был сделан вывод, что необходим постоянный контроль и ограничения. В течение пяти лет я продолжала контролировать себя и ограничивать, при этом продолжала страдать. И вот однажды мне приснился сон: я сижу и ем конфеты, все красиво и вкусно, я вижу цвета начинок, шоколад, наслаждаюсь — и вдруг сама себе: «Сволочь! Что ты делаешь, тебе же нельзя!» Но продолжаю есть. И вдруг: «Это же сон, можно!» Я с облегчением доедаю конфеты.

Проснувшись утром, я смеялась, мне было по-настоящему весело, совершенно не хотелось сладкого. Вся история пяти лет казалась смешной и банальной. Было ощущение, что я родилась заново.

Анализируя, что это был за смех, я серьезней задумалась о юморе. Хотелось понять: что такое юмор? Почему стало легко и свежо после комичного сна? Что мешало в другое время рассмеяться и не допустить таких страданий? В другое время это было невозможно. Юмор как живой бог, пришел и спас. Сон освободил от вполне «реальных» симптомов.

Внешние покровы юмора — значения.

Значения — слова языка математики. Математика — время мертвой жизни, неорганической. Зачем говорить о значениях юмора? Чтобы разозлиться.

Чувство юмора в обычном словоупотреблении достаточно точно обозначено — способность подмечать в явлении комичные стороны, эмоционально откликаясь на них.

Чувство юмора неразрывно связано с умением обнаруживать противоречия в окружении — например, замечать, а иногда и утрировать противоположность положительных и отрицательных черт в каком-то человеке, чью-то кажущуюся значимость и несоответственное ей поведение и пр. По отношению к объекту юмора, как бы подвергаемому свое-образной эмоциональной критике, сохраняется дружелюбие. Чувство юмора предполагает наличие у его субъекта положительного идеала, без коего оно вырождается в негативные явления — пошлость, цинизм и пр.

Судить о наличии или об отсутствии чувства юмора можно по тому, как человек понимает шутки, анекдоты, шаржи, карикатуры, улавливает ли комизм ситуации, способен ли смеяться не только над другими, но и тогда, когда сам становится объектом шутки. Отсутствие или недостаточная выраженность чувства юмора свидетельствует как о сниженном уровне эмоциональном, так и о недостаточном развитии интеллектуальном [11].

Очень содержательные определения. Без тени улыбки. С определением не поспоришь. Но «точность» определения только убеждает в серьезности юмора, отдаляя его от нас экзистенциально, и увеличивает голод возникающих вопросов.

По определению юмор — это способность, умение, наличие положительного идеала, характеристика эмоционального и интеллектуального уровня. Действительно злит. Где способность? Когда умение? Чем измерить? Как применить? Где взять время? Как сохранить? А что тогда смысл юмора? Количество вопросов увеличивается пропорционально потребности разобраться, а юмор всегда здесь, но не дает себя поймать.

Феноменологический метод? Феноменологически понять юмор невозможно. Как и в жизни, при обращении к литературе о юморе, про юмор, именно его там и находим: шутки, анекдоты, притчи и т.д., — но читать не всегда смешно. На полке стоят книги с анекдотами, а радуешься живому, рассказанному. И если задавать вопросы на эту тему «другим обывателям», то через несколько предложений, а то и сразу, они начинают шутить и вспоминать анекдоты. Что же получается, о юморе надо с юмором?

Если у человека нет чувства юмора, у него по крайней мере должно быть чувство, что у него нет чувства юмора. Самое органичное было бы — писать о юморе одними анекдотами, афоризмами и притчами, но это уже делали гораздо более остроумные люди. К тому же в нашем исследовании необходимо избежать опасной тенденции сводить все к юмору, ведь мы ищем путь не к более смешной жизни, а к более живой. Мы хотим осуществить исследование в экзистенциальной традиции. Испытывая понимать. Понимать, а не смеяться. (Может, это — глупость, может, стоит не заморачиваться, а просто смеяться?)

Юмор под покровом обыденности.

Анекдот не рассказывается заранее или впрок, афоризм не сияет без подходящей ситуации. Для того, что бы понять неситуативную сторону юмора, необходимо исследование и прозаический язык.

Собеседники, позволившие записать и проанализировать их беседы: Марина, Лилия и Татьяна. 2002 год. Интервью и анализ проводила Чичкова Г. В.

Марина, 31 год. Школьный учитель, студентка факультета психологии (2^е и высшее образование). Марина обладает шикарным чувством юмора. Если хотите увидеть комичность ситуации, надо обратиться к Марине

Лилия, 21 год. Молодой специалист в области психологии, преподаватель колледжа. Лилия редко бывает в плохом настроении, но так же редко смеется по пустяку.

Татьяна, 25 лет. Химик — аналитик, лаборант на Томском нефтехимическом комбинате, студентка юридического факультета (второе высшее образование). Может научить шутить над собой.

Имена изменены.

Исследование проводилось методом полустандартизованного интервью. Ниже приведены изначально задаваемые вопросы и обобщенный результат бесед.

Скучно? Слишком академично? А ведь на это жизнь уходит и за это деньги платят. Кто посмеется последним? Тот, кто уйдет перед вторым актом, или тот, кто останется, как в пьесе С. Беккета «В ожидании Годо»?

Вопросы:

- Что такое юмор в твоём понимании?
- Как ты понимаешь выражение: юмор как способ раскрыться?
- Какое место по значимости юмор занимает в твоей жизни?
- Умение смеяться над собой — что это?
- А умение отшучиваться?

Результат ответов на прямые вопросы о юморе:

«Юмор — это свойство неожиданно видеть сложившуюся или складывающуюся ситуацию в другом, возможно противоположном, цвете. Эта способность, в идеале, должна быть присуща всем».

«Это, как память, внимание, мышление, должно входить в понятие интеллекта. Причем, чем выше интеллектуальный уровень, тем шутка тоньше, ювелирнее, не даром говорят — остроумие».

«“Юморить” можно научиться. В зависимости от среды, в которой ты растешь (взрослеешь), живешь; а также — каковы культурные особенности, такова и будет направленность юмора. Но суть юмора одна — это обратная сторона медали с элементом неожиданности».

«Другая сторона юмора — это особенность, которая дана или не дана. Это талант, дар и т.д. Есть талантливые юмористы, а есть пародия на талантливых юмористов».

«В жизни юмор занимает одно из первых мест, с ним интересней и легче. Как вздох, кислород, положительные эмоции, возможно, это терапевтично и продляет жизнь. Следует опять же различать юмор и сатиру и принимать во внимание, что одна шутка может даже спасти жизнь, а иная может и убить. Юмор нужно поддерживать, развивать, за хорошую шутку нужно благодарить, а если ребенок, то и хвалить, необходимо с детства почувствовать вкус юмора».

«“Юмор как способ раскрыться” — в большинстве случаев верное выражение. Ведь

действительно, по шуткам или анекдотам можно сказать, кому они принадлежат, автор обязательно в них отразит свои переживания и притязания. В каком-то смысле это даже не только способ раскрыться, но и способ освободиться от ненужного, мешающего».

«Шутки над собой — это трудное ремесло. Не каждый сможет посмотреть на себя как на объект противоречия. Особенно это трудно сделать со слишком низкой или высокой самооценкой и, конечно, с низким уровнем интеллекта. В шутках над собой присутствует элемент сравнения, также через них можно понять и признать свои ошибки, можно изменить мнение по отношению к себе; конечно, при этом комичность должна быть доброжелательна».

«Шутки над собой и умение отшучиваться во многом пересекаются. Умение отшучиваться — здесь шутка как мяч, нужно во время отбить «мяч». Это бодрит, стимулирует. Если подобная способность присутствует у человека, то опять же оказывает влияние на его самооценку и положение в коллективе, особенно это важно в детстве и подростковом возрасте. Умение «держаться шутку» — это своего рода самообладание и самовыражение, мастерство, способность принимать, находить место в своем сознании».

Результаты этого этапа исследования позволяют сказать, что юмор — это экзистенциальное основание, не зависящее от формы пребывания и выражения. И в науке, и в литературе, и в мнениях обывателей мы находим одно и то же.

Полученное из беседы мнение практически не отличается от книжного, и для того, чтобы узнать, что же более основательное стоит за этим содержанием, необходимо больше погрузиться в жизнь собеседниц. И, прежде всего, в жизнь языка, а затем в личную жизнь. Юмор скрыт умом, но не является продуктом какого-то определенного ума.

Юмор под покровом слов

Юмор, ирония, сатира как виды комического.

Теми, кто шел раньше нас, сделано много, но сколько из сделанного осталось? Что мы имеем? Сколько жизни в переданном нам понимании? Комическое (греч. *komiko's* — 'веселый, смешной', от *komos* — 'веселая ватага ряженных на сельском празднестве Диониса в Др. Греции') — категория эстетики, означающая смешное. Восходит к игровому, коллективно самостоятельному смеху, например в карнавальных играх. В ходе развития культуры обособляются виды комического — ирония, юмор, сатира.

Различаются высокие виды комического (например, образ Дон Кихота у Сервантеса) и забавные шутливые виды (каламбур, дружеские шаржи и т.п.).

Для комического отражающего противоречия реальности, важна игра на утрировании величины предметов (карикатура), на фантастических сочетаниях (гротеск), сближении далеких понятий (острота). На «комическом» основан один из

главных видов драмы — комедия.

Ирония (от греч. *eironeia* — притворство), отрицание или осмеяние, притворно облекаемое в форму согласия или одобрения; основана на иносказании, когда истинным смыслом высказывания оказывается не прямо выраженный, а противоположный ему, подразумеваемый. В иронии как виде «комического» смешное скрывается под маской серьезности, преобладает отрицательное отношение к предмету.

□□ *Юмор* (англ. *humour*), особый вид «комического», сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным. В отличие от «разрушительного смеха» и «смеха превосходства» (в том числе сатиры, иронии), в юморе под маской смешного таится серьезное отношение к предмету смеха и даже оправдание «чудака», что обеспечивает юмору более целостное отображение существа явления.

Личностная и «двулика» природа юмора объясняет его становление в эпоху Позднего Возрождения и дальнейшее освоение и осмысление в эпоху романтизма (Жан Поль). Главные представители в литературе: Сервантес, Л. Стерн, Ч. Диккенс, Н.В. Гоголь, М. Твен.

□□□ □□□ *Сатира* (лат. *satira*),

1) способ проявления комического в искусстве, состоящий в уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными. Сила сатиры зависит от социальной значимости занимаемой сатириком позиции, от эффективности сатирических методов (сарказм, ирония, гипербола, гротеск, аллегория, пародия и др.). Сатира возникает в народной «смеховой» культуре и постепенно охватывает ряд видов, родов, жанров искусства: театр (комедию, фарс, обозрение), литературу (драму, особенно комедию, эпос, лирику), публицистику (памфлет, фельетон), изобразительное искусство (карикатуру, шарж), эстраду, кино, телевидение и др. Сатирическим может быть и целое произведение, и отдельные образы, ситуации, эпизоды. Классики сатиры: Мольер, Дж. Свифт, М.Б. Салтыков-Щедрин, Ф. Гойя, О. Домье;

2) в древнеримской литературе и связанных с нею традициях — особый жанр лирики, осмеивающий политические, общественные и литературные нравы.

Шарж (франц. *charge*), юмористическое изображение (обычно потрет), в котором с соблюдением сходства карикатурно изменены и подчеркнуты характерные черты человека.

Карикатура (итал. *caricature* — нагружать, преувеличивать), изображение, в котором комический эффект создается соединением реального и фантастического, преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями, жанр изобразительного искусства (обычно графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры, обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающей осмеянию какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или

характерные типы людей.

□□□ □□□ *Гротеск*(франц. grotesque — причудливый, комичный),

1) орнамент, в котором причудливо, фантастически сочетаются декоративные и изобразительные мотивы (растения, животные, человеческие формы, маски);

2) вид художественной образности, сообщающей и заостряющей жизненные отношения посредством причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического, правдоподобия и карикатуры, трагического и комического, прекрасного и безобразного.

Резко смещая формы самой жизни, создает особый гротескный мир, который нельзя понимать буквально или расшифровать однозначно, как в аллегории: гротеск устремлен к целостному и многогранному выражению основных кардинальных проблем человеческой жизни. Издревле присущ художественному мышлению (мифология, произведения Ф. Рабле, Ж. Босха, П. Брейгеля, Н.В. Гоголя, О. Домье, Ф. Кафки, М. Шагала, Е.Л. Шварца, М.А. Булгакова, режиссура Е.Б. Вахтангова, В.Э. Мейерхольда).

□□□ □□□ *Анекдот*(от греч. anekdotos — неизданный),

1) короткий рас-сказ об историческом лице, происшествии;

2) жанр фольклора, короткий вымышленный юмористический рассказ с неожиданным концом.

Каламбур (франц. calembour), игра слов, оборот речи, шутка, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства разнозначимых слов или словосочетаний («Осип охрип, а Архип осип») [18; 4].

Таким образом, на основании общего понятия «комическое» можно построить схему:

Комическое (греч. komikos 'веселый, смешной')

ирония(греч. eironeia) юмор(англ. humour) сатира(лат. satira)

притворство юмор, переполненное блюдо, настроение мешанина комедия
анекдот шарж карикатура каламбур гротеск

Не случайно понятие юмор занимает здесь центральное место.

Уже из определения следует, что юмор — это особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным... В отличие от «разрушительного смеха» и смеха превосходства (в том числе сатиры, иронии), в юморе под маской смешного таится серьезное...

Если шутка прячется за серьезное — это ирония, если серьезное за шутку — юмор.

Артур Шопенгауэр [7]

Юмор в переводе с английского языка (humour) значит 'настроение'.

Можно обратить внимание: не 'притворство', не 'мешанина', не 'веселый', а 'настроение'.

Некий настрой целостного отражения существа явления, личностная и «многоликая» природа.

Интересно еще то, что out of humour в переводе с английского означает 'не в духе'. Не в духе, не в настроении, нет настроения, нет духа или, мы бы даже сказали, нет присутствия духа.

Не правда ли, действенность юмора, открытая в значениях слов, совпадает с так называемыми техниками экзистенциальной терапии? Именно такую активность терапевт поощряет в работе клиента, конфронтируя с противоречащей юмору активностью.

Кроме того, за всей совокупностью значений комического мы можем усмотреть одну тенденцию, подтверждающую экзистенциальное значение юмора. Смысл, форма и значения комического объясняются на языке жизни, это всегда процесс, случай, взаимодействие, бытие-в-мире.

Юмор под покровом общественного сознания. Научная и культурная ценность Юмора.

О. Розеншток-Хюсси

О. Розеншток-Хюсси видел науку спасающей, воскрешающей, жизнотворческой активностью человека, сверхъестественным усилием, побеждающим естественность смерти. И такой науку делает юмор как научная ценность. Эта ценность вырабатывается общественным сознанием, чтобы сохранять атрибуты должного в различных сферах жизни.

Некоторые тезисы его статьи «Научная ценность юмора» открывают характер юмора как условия жизни и утверждают экзистенциальную традицию в социальных практиках.

- Для здорового человеческого рассудка тот человек, который не может смеяться и плакать, открывая жизненно важную истину, является просто незрелым.
- Сегодняшние естествоиспытатели считают своим долгом вести себя холодно, незаинтересованно, нейтрально и бесстрастно. Они стремятся стать способными полностью исключить юмор... и все потому, что они не отваживаются признать страсти величайшим капиталом человеческого исследования.

- Без учета восприятия никакая наука невозможна, поэтому они обращаются к искусственным лабораторным данным, описывающим воздействия на морских свинок, и отождествляют ощущения морских свинок с собственными ощущениями.
- Научный прогресс в области социального познания зависит от уравнивающей силы юмора. Юмор исключает все ложные методы именно потому, что он делает их смешными. Смех убивает. И так же как химики используют веселящий газ, мы, чтобы исключить притязания бесстрастного мышления, используем изрядную дозу юмора.
- Юмор отбрасывает свет на существенное.
- ...Давать ответы человек может только среди людей, людям, вместе с людьми, с которыми он разделяет потрясающие и оскверняющие впечатления от катастроф. Я могу мыслить лишь вместе с теми, кто решается мыслить сегодня, после мировых войн, ибо лишь вместе с ними я могу улыбаться и шутить.

Психотерапия, вероятно, ближе всего расположена к принятию этих тезисов. Гораздо труднее принять их в других науках, в которых взаимодействия людей представляются ясно-целесообразными. Психотерапевт признает противоречие самой возможности думать и изучать при встрече с клиентом. Клиент знает все, но не может думать, терапевт может думать, но не может все узнать. Экзистенциальная традиция ведет к тому, чтобы открыть юмор в экономических теориях и педагогических методиках, в философских концепциях и технических изощрениях, не потеряв при этом ответственности и конкретной человеческой жизни. Через открытие юмора защитить его от превращения в продукт жизни.

Юмор в психотерапии.

Широко известны работы В. Франкла и парадоксальная интенция в лечении неврозов. Но думается, что юмор в психотерапии занимает гораздо большее место, чем просто средство отстраняться от симптома и расширять поле зрения. Ведь психотерапия — это улыбка Творца. Только представьте себе, каким юмором, в действительности, наполнен этот мир, если в нем есть психотерапия?

Молодой психиатр, полный энтузиазма, азартно работает над своим мастерством, расширяя сферу своих врачебных воздействий на всех живых людей. Захваченный «эффективностью» измененных состояний сознания и НЛП, он наполняет себя гордостью от того, что может воздействовать на то, на что его пациенты воздействовать не способны. Рассказывает о своей пациентке, которая после его сеансов, кроме того, что избавилась от нескольких лишних килограммов, переехала в другой город, развелась с мужем — алкоголиком, научилась любить себя, разбогатела, купила машину и т.д.

«И что, правда, это все ты ей помог?»

— «Ну, нет, половина успеха, конечно, от нее зависела».

Разве в этом нет юмора? Что, можно всерьез надеяться так помогать? И можно всерьез надеяться на такую помощь? И можно работать, не понимая, что происходит на самом деле?

Я задавал такие вопросы и встречал удивленный взгляд:

— А разве нельзя?

Можно, но не полезно. Ведь терапия — это не воздействие, это служение. Усиление тенденции к самоутверждению и воздействию превратит психотерапию в душевную проституцию.

Что заставляет и помогает терапевту идти в экзистенциальные отношения с клиентом, который выглядит как прогневивший бога? Вера в то, что на самом деле улыбка Бога просто пока не видна. Даже если ничего невозможно сделать, можно дождаться и увидеть эту улыбку.

Случай

На Западе физиологию смеха и его полезные свойства досконально изучили, создали социальную науку о смехе — гелатологию. Смех по рецепту — модное направление в зарубежной медицине.

Вот случай из газетной статьи, которая должна была рекламировать смехотерапию, но в нашем случае показывающая, что без юмора и смех не смешной.

«В небольшом особняке под вывеской «Храм смеха» собрались пятнадцать человек. Заходя в зал с высокими сводами и деревянными банкетками у стены, каждый сначала доставал портмоне, чтобы засунуть в банку «кто сколько сможет» (в основном пять евро) на нужды клуба. Потом члены клуба наливали себе чай-кофе и, сгруппировавшись по два-три человека, о чем-то тихонько беседовали.

Ничто не предвещало беды. Женщина в полосатой кофте и ярко-красной жилетке, вышедшая из недр подсобки, громко приветствовала собравшихся:

- Ну что, не пора ли нам посмеяться?

Это — инструктор-смехотерапевт, догадалась я и поспешила представиться, предварительно «забив» себе место наблюдателя на банкетке.

«Привет, — сказала она, — я помню, вы мне звонили. Три миллиона читателей — это даже трудно себе представить. Можете присутствовать на занятиях исключительно как участник. Первый сеанс у нас всегда бесплатно. А теперь — разминка!»

Зазвучала бодрая музыка, и все начали танцевать.

Ковыряя носком туфли линолеум в такт песне, я поняла, что влипла по самое никуда.

Начались упражнения: вскинуть руки над головой и при этом наклоняться, при этом громко произнося «ха-ха-ха». То же самое «ха-ха», но приседая на одно колено. «Хи-хи, хо-хо» в комбинации с разными трудно поддающимися описанию движениями. При этом инструктор не выпускает тебя из виду и не дает сачкануть, показывая, что рот надо разинуть пошире, а кончики губ отвести к ушам.

Я послушно раздирала рот, наполняясь жгучей злостью к себе самой и своей журналистской доле.

Громче всех изображал смех высокий дядька с каменным лицом — так смеются закулисные боги в театре, перед тем как сразить кого-нибудь молнией.

Разноголосое «ха-ха-ха» гремело в висках, происходящее сильно смахивало на кошмарный сон. Сон не кончался.

Следующее упражнение — подойти к стоящему рядом, протянуть ему руку для рукопожатия и, не выпуская ее, начать складываться от смеха пополам, другой рукой в это время держась за живот. И так — с каждым из пятнадцати человек!!!

Пятнадцать пар глаз приблизились ко мне, пятнадцать раз я ощутила чье-то дыхание, пятнадцать рук сжимали мою, трясясь в смехоконвульсиях. В мозгу стучала одна мысль: «Как бы отсюда выбраться?»

Уже не держа друг друга за руку, а вытянув ее и показывая пальцем на визави, теперь нужно «умирать от смеха», видимо, представляя себе, что у партнера рога на лбу выросли или еще что похлеще.

Оприходовал одного — подходишь к другому. «Обсмех» каждого из группы должен занимать не меньше десяти секунд.

В какой-то момент постоянное выдувание из себя воздуха в процессе имитации смеха сказалось эффектом гипервентиляции — перенасыщением мозга кислородом, — и он вообще поплыл. Чувство реальности начало исчезать окончательно. Я послушно изображала гримасу смеха, перестав рефлексировать по этому поводу. Но смеяться все равно не хотелось.

Команда — расстелить резиновые маты на полу.

Все послушно расстелили, сняли обувь и уселись. Объявлена долгожданная минута отдыха.

Секунд через десять полной тишины тот — длинный, который громче всех смеялся, обнаружил дырку у себя на носке, показал ее всем и, запрокинув голову, дико заржал, при этом отчаянно жестикулируя и призывая остальных присоединиться. Присоединились.

Длинный повалился на спину, болтая ногами в воздухе. Многие тут же последовали его примеру. В том числе и инструктор, поэтому я, выйдя из зоны ее внимания, наконец (уже с трудом) смогла вернуть рот в нормальное положение.

И тут одна из женщин, зайдясь в пароксизме смеха, ка-а-ак икнет — громко, звонко — диапазоном на октаву.

Я приснула. Женщина продолжала икать и смеяться, смеяться и икать. Вот здесь я и сломалась.

Очнулась, лежа на полу, вся в слезах, щеки ломило от спазма.

Конец сеанса. Инструктор огласила, что «новенькая» была корреспондентом из России.

Потом я подходила к разным людям, участливо спрашивала, почему они решили заняться смехотерапией.

«Очень помогает, у меня хронический бронхит — уже все перепробовал».

«После смерти мужа это стало единственной отдушиной в моей жизни».

«После десяти занятий я перестала болеть бесконечными простудами».

«Я безработный, и пока есть время, чтобы посмеяться и пообщаться здесь, в группе».

«Наше любимое упражнение!» — скомандовала инструктор. Все вскинули руки, и — ХА-ХА-ХА!

На ватных ногах я вышла из автобуса, проехав в нем двадцать минут в состоянии транса.

«Вы сегодня уже смеялись?» — спросила меня забавная рожица — рот до ушей, что-то вроде «социальной рекламы» на заборе у остановки. Меня передернуло....

Смеяться я начала в гостинице. Одна. Громко. Стоило только в воспоминаниях о пережитом реально представить себя, дуру, со стороны во всех подробностях.

На следующий день я и правда ощущала явную легкость в прокуренных легких, мышцы живота побаливали, голова была ясной, мысли — четкими. После этого меня

можно посылать куда угодно» [16].

Хорошее заключение: «После этого меня можно посылать куда угодно», но после чего? На «сеансе» смех не воспринимался как целебный, смех мучил, а не радовал, не был желателен. Возможно, сознание было направлено на нечто другое.

Сама смехотерапия воспринималась болезненно. Так же как и при другой психотерапии, возникли сопротивление, кризис и переломный момент: «...я поняла, что влипла по самое никуда; ...я раздирала рот, наполняясь жгучей злостью к себе самой и к своей журналистской доле; ...но смеяться все равно не хотелось; ...вот здесь я и сломалась...» — появляется юмор.

Не от стараний юмор появляется, хоть без них и невозможно, он приходит как случай, обновляющий ситуацию. Юмор — это способность, умение, наличие, свойство, направленность, процесс, элемент неожиданности, талант, дар, «вдох», «кислород», ремесло, мастерство, эмоции, особый вид комического, сила, зрелось, здоровье, собственные ощущения, уравновешенность, свет существенного, защита, человечность, спасение, иммунитет, избавление, разум.

Что же получается? Юмор — это жизнь? Сколько важного, связанного, зависимого. Как измерить эту способность, свойство и умение? А что собственно измерять? Что же стоит за всем перечисленным? Смысл юмора? Или теперь уже, вернее, смыслы юмора?

Этот интриган — юмор — толкает нас на поиск надежных оснований. Ведь человек, который живет в мире людей, ищет надежные основания, а не найдя — он рискует потерять себя и свою жизнь среди людей. И убедительность найденных нами смыслов будет зависеть от того, насколько моя или твоя жизнь получит ответы на свои вопросы [12].

Хотя представляется проблемным обозначение смыслов словами. Смыслы — это, скорее, «ощущение тенденции» [19], но в тоже время они не должны расцениваться как относящиеся к эмоциям [17].

Пересекая реальность юмора, можно, например, написать наш предмет с различными знаками препинания:

- смыслы юмора?
- смыслы юмора!
- смыслы юмора:
- смыслы юмора.
- смыслы юмора,

Между этими возгласами действительно открывается смысл. Мы нуждаемся в свидетельствах. Свидетельством того, что мы движемся в правильном направлении, является безусловное присутствие намеченных нами тенденций сознания — тенденций остроумия в кризисные, переломные моменты жизни.

Юмор на острие преодоления кризиса (Остроумие на острие)

Итак:

- Юмор — существует;
- Существуют смыслы юмора;
- Смыслы нуждаются в объяснениях, в терминах жизни.

Причем можно наблюдать следующий момент, спрашивая о юморе напрямую: «Что такое юмор в вашем понимании?», вроде бы его же и получаешь (анекдоты, шутки, притчи), а если нет, то мнение о нем. Но ни то, ни другое не является проясняющим нас ответом. И мнения для нашего исследования недостаточно, необходимы переживания, которые могут осознаваться. Юмор всегда под прикрытием, если на нем сосредотачиваться.

Провести эксперимент? Рассказать собеседнику анекдот, подождать, пока посмеется и сразу же спросить — что это было? Нет, не то! Все-таки нас интересует более сложная задача.

Почему до комического сна «...продолжала страдать... и после сна... вся история пяти лет казалась смешной и банальной...». Т.е. кризис и юмор, назовем это «остроумие на острие».

Собеседницы остались прежние — это Марина, Лилия и Татьяна. Для удобства примем обозначения: М — Марина; Л — Лилия, Т — Татьяна и И — исследователь.

С мрачным видом я прошу у девушек: «Вспомните, пожалуйста, ситуацию, когда было плохо, мучительно и больно, а потом по этому поводу уже так остро не беспокоишься».

Девушки вспомнили ситуации, которые переживались как кризисные. Объективно ситуации были разные, разные по силе и значимости, но субъективно, для каждой девушки — это были острые болезненные переживания.

Феноменологическое исследование показывает, что юмор существует не только под прикрытием содержимого ума, но и под прикрытием интенциональности, направленности ума.

Трезвый ум на острие

Принятие действительности

Т. сдавала очередной квалификационный экзамен, была готова на 30%... что надо мной издевка... подсунили билеты, которые не были утверждены к экзамену, ну, естественно, не сдала. Расстроилась, готовилась... второй раз не сдала, опять другие билеты... жуть... но виду ни кому не показала...

И. И что потом? Я знаю, что сдала его на отлично. Именно поэтому перестала беспокоиться?

Т. Да, на отлично! Я просто села, подумала, и было смешно! Третий раз шла на экзамен как на праздник.

После этой фразы я вздрогнула, все-таки не пятерка успокоила Татьяну, что-то другое, то, почему стало смешно и «третий раз на экзамен как на праздник».

И. А о чем подумала?

Т. Им доставляет радость мое расстройство!

И. И что?

Т. Порассуждала, поговорила с близкими и успокоилась, даже смеялась. Рядом люди... причитали: «Ах они сволочи!» А мне смешно.

И. А когда стало смешно, что ощущала в тот момент?

Т. Трезвый ум в тот момент.

Появляется «трезвый ум» — или наш «острый ум». В таком состоянии действительно можно сдать экзамен на отлично, а идти на встречу со «сволочами» как на праздник, смеясь, но над чем? Обратим внимание, что Татьяна в тот момент была не одна... «поговорила с близкими...» — здесь уже речь идет о совместности.

«...Мы можем выйти из ада только вместе... давать ответы человек может только среди людей, людям, вместе с людьми...».

И. А что отрезвляло? Как появилась трезвость?

Т. Ну, так все не вспомню... Обидно было...

И. Жалко себя?

Т. Нет, не жалко себя... обидно, что такая несправедливость... безысходность... Ощущение, что я ничего не смогу сделать.

И. Обида, несправедливость, безысходность, бессилие... Я не понимаю... Это трезвость?

Т. Трезвость... это то, что творилось на самом деле... это же смешно.

И. Не понимаю?

Т. У меня возникла мысль: для чего это всем нужно. Я подумала о том, что в данном случае — женский коллектив, моя молодость... может, внешность... моя позиция... они хотели мне досадить. Я злилась на них, но поняла, что все исправимо, они имеют надо мной власть, а так они мне никто. Мысль: они как родители, у них дети сидят на их шее; я для них ребенок, что ли... Если честно. Была мысль о возмездии, чтоб у них подобные трудности возникли, чтобы их детей тоже кто-нибудь мучил... Да нет, конечно, что я, буду мстить этим боящимся стареть женщинам... и смешно... Мое возмущение сменилось на понимание... Реально оценила обстановку... Понимаешь?

Обида, несправедливость, безысходность, бессилие, желание мстить, возмущение и вдруг понимание, реальная оценка обстановки: «они хотели мне досадить... они мне никто... боящиеся старости женщины... что я, буду мстить...»

Перефразируем немного не что я... , а кто я? Я обижена — я — обида, бессильна — я — слабость, я — злость, я — месть. И главное, если я стану мстить стареющим женщинам, кто я после этого?

Это похоже на ответ совести. Возникшее понимание — это ее реальная оценка, это не только открытие: «...Они мне никто. Все исправимо» — еще и ответ жизни, ответ совести.

«...Быть совестливым — значит испытывать определенный стыд, если обманул кого-нибудь. Можно испытывать стыд и по другой причине — когда обманул не кого-нибудь из своих знакомых, а самого себя. Совесть-ливость должна непрерывно трудиться — как трудится рука, когда человек выполняет какую-то работу, как трудятся ноги, когда человек передвигается, как трудится сердце, всю жизнь разгоняя кровь по телу... совесть, как нечто такое, что необходимо напрягать всегда — как напрягается мышца, мускул» [9].

«Мы хозяева своей воли и слуги своей совести».
Мария Эбнер-Эшенбах [7].

Естественно, наша королева не одинока, мы венчаем ее с юмором. Совесть как бы спрашивает, над чем смеяться, над чем не смеяться; или, можно сказать, одна из обязанностей юмора — отвечать совести. А что же думает Татьяна по этому поводу?

И. И это был юмор?

Т. Да, кстати, это, наверно, и был «твой» юмор. Когда мы смеялись, меня ситуация и эти тети уже так не тревожили... пройдет время, и все изменится... Я не надеялась, я

знала...

И. А одна могла это сделать?

Т. Ну, у одного не получается. Должен еще кто-то быть. Это не утешение — это то, что есть... говорим, и я смеюсь...

Татьяна подтверждает — появляется юмор; как у других, утверждать не будем, но у совестливых, видимо, появляется «остроумие на острие»; затем снова речь идет о совместности, и красивые фразы: «Это не утешение — это то, что есть» — принятие данности; «Пройдет время, и все изменится... я не надеялась, я знала...» — смелый взгляд в будущее, уверенность.

И как предлагала Томасу Беру [3] мама: «Стань чуточку менее серьезным, чуточку более уверенным в себе». Так и Татьяна, пережив эту нелепую ситуацию, в итоге по этому поводу уже смеялась, становилась менее серьезной и более уверенной в себе и в завтрашнем дне.

В беседе с Татьяной наш интриган — юмор — продолжает вдохновлять. Мы не спрашивали о нем напрямую, но он появляется не как «остроумие на острие», а как «трезвоумие на острие». Преодолевая путь серьезности, обиды, несправедливости, безысходности, бессилия, мести, Татьяна приходит к юмору, трезвости, открытиям реальности, уверенности. Мы видим, что юмор повенчан с совестью. Можем предположить, что у бессовестных Его Величество Юмор отсутствует, хотя вполне возможно присутствие отдельных атрибутов — смеха, утрирования, изображения и т.д. Также Татьяна напоминает нам об условии появления юмора, о совместности.

Долгий ум на острие

Марина рассказывает более тяжелую ситуацию. Дело в том, что Марина очень любит детей, она и работает учителем, «учитель от бога». Но в течении нескольких лет, после различных испытаний и лечения, врачи поставили страшный диагноз — бесплодие. К счастью, сейчас у нее есть дочь, «поздний ребенок», очень, очень долгожданный, и вера в чудеса простых деревенский целительниц.

М. Мне поставили диагноз — бесплодие... Господи, что было... Истерики... Слезы... Слезы... Представляешь? Я написала всем прощальные письма, я даже их отправила... Я попрощалась с жизнью, смысла не видела... Нет, я ничего с собой не сделала. Но мысли были... Мне просто нужны были дети... И я как-то потихоньку ушла в работу... а потом через месяц у мужа был день рождения, и близкие стали приходить и мне говорят: «Марина, а что это были за письма?»... А я и забыла, что было в те моменты, забыла содержание писем... Они мне рассказывают... Ну, конечно, за месяц я очнулась.

И. И что?

М. Хохотала с ними! Вот дура... думаю, я в порыве поставила крест на себе... на себе как на женщине...

Хочется воскликнуть: «Ура!» Такие сложные переживания, в течение месяца, Марина даже не помнила, что делала, что думала: «я забыла, что было в те моменты, забыла содержание писем...» И все-таки появляется смех.

И. Ты просто смеялась над собой? Или ругала себя?

М. Нет, вроде не ругала. Просто смеялась.

И. По доброму?

М. Да, просто стало по-другому. Я смогла оценить себя со стороны. Кстати, это был юмор... Я была наблюдателем. Я увидела себя со стороны: как я нахожусь под впечатлением от поставленного диагноза, как будто есть один путь — в петлю. Да же?

И. Может быть.

М. Нет, это под впечатлением выхода не видишь... Человек находится внутри ситуации и видит все плоско... а когда выходишь из ситуации, то смотришь кино, и это как в кинокомедии, и на себя смотришь, похож на Чаплина... А когда без дум смотришь — да пожалуйста, вариантов выхода сколько угодно!

По-видимому, здесь Марина говорит о вовлеченности и об отстраненности, о двух полюсах — о трагедии и о комедии. Юмор — как дистанция; чтоб увидеть, необходимо дистанцироваться: «выходишь из ситуации». В буквальном смысле — психотерапевтический эффект.

Так и хочется процитировать В. Франкла: «Гуманная, гуманизированная, регуманизированная психотерапия возможна, если мы будем учитывать самотрансценденцию и использовать самоотстранение. Первое выражается в постоянном выходе человека за пределы самого себя, в направленности его на что-то, существующее вне его. Второе выражается в возможности человека подняться над собой и ситуацией, посмотреть на себя со стороны. Эти две способности позволяют человеку быть самодетерминирующим существом. Однако ни то, ни другое не возможно, если мы будем видеть в человеке животное. Животное не озабочено смыслом жизни, и «животное не может смеяться...» [13].

Но каков был путь до этого смеха?

И. Может, вспомнишь... Зачем ты писала письма?

М. Это были прощальные письма. В них я прощалась. Я разговаривала... мне был нужен кто-то... письма — это чтобы кто-то был рядом... Мне надо разговаривать с людьми, хоть не об этом, но... чтобы кто-то...

И. Просто...

М. И еще время... мне нужно больше месяца... Это потом смеялась... а так долго...

И. Время?

М. Чтобы понять, расставить ценности... приоритеты. Чтобы, в конце концов, увидеть себя настоящую.

Марина, также как и Татьяна, говорит о совместности. «Чтобы кто-то был...» — и разговор.

Зигмунд Фрейд пытался понять, «...как из словесного выражения может возникнуть самое ценное в остроумии — удовольствие, доставляемое нам?» [14].

Но удовольствие — это потом, открытия потом, это необходимо заслужить, и в первую очередь служить совести, как было видно в беседе с Татьяной — и у Марины: «ценности... приоритеты».

Кроме того, виден важнейший экзистенциальный смысл беседы с другим — в беседах создается время, в каждом прощальном письме создается время, и это умноженное время позволяет пережить тяжелое состояние за реальный срок собственной жизни.

Марина закончила нашу беседу словами: «Мир закончился и жизнь! А потом все в порядке, я даже способна по этому поводу шутить!»

«...А потом все в порядке...» — и только потом все в порядке, на самом деле долгий путь.

«...А так долго...» — У Татьяны этот путь складывался из обиды, несправедливости, безысходности, бессилия. О времени Марина говорила с напряженностью, с серьезным выражением лица. Трезвость и опытность.

Беседа с Мариной показала, что юмор непосредственно связан не только с умом, но и с отстраненностью, совместностью и временем.

Живой ум на острие

Предлагаемое выражение «остроумие на острие» сочетает в себе трезвый ум, долгий ум и живой ум. Живой ум — больше жизни, источник которой открывает беседа с Лилией.

Л. Стоял жирный крест на себе, на мужчинах! В очередной раз осознание безнадежности... Одни!... Шли с подругой и разговаривали. Вообще ничто не мешает

пойти, столько предложений! Нет же, нам любимый человек нужен!

И. И что?

Л. Да ничего! Плохо было. Мысленно не могли докопаться — почему все так? Почему нет любимого человека? Почему одни?

И. А какое ощущение? Мысленно докапывались, а что ты чувствовала?

Л. ...Как будто я убиваю себя. Мы убили себя!

Вновь безнадежность и «самоубийство», но Лилия рассказывала об этом улыбаясь, для меня это предвещало появление смеха, юмора. «Человек смеется, в конце концов, при воспоминании о том, что он смеялся» [14].

И. Так и шли «убитые»?

Л. Шли какой-то промежуток времени... А потом — началось!... Да что это такое?! Обида, боль, я разозлилась.

И. На что?

Л. Злость непонятно на что... на себя... на ситуацию... А что? Может, разместить фото в Интернете?! Продать себя?! Я говорила о чем-то серьезном, мне действительно нужны были деньги... Начала распыляться... Потом слезы... распылялась сквозь слезы... Любовь, деньги, секс... Потом мы смеялись.

Вот она, крайняя степень вовлеченности, отчаяния, обида, боль, злость. Татьяна и Марина тоже рассуждали об этом. Лилия говорит о полюсе трагедии. Всё же потом смеялись?

И. Подожди, подожди... Как смеялись? Ты же расплакалась?

Л. Ну, так. Не помню... Смеялись и всё.

И. Совсем ничего не помнишь?

Л. Нет, конечно, помню. А что именно?

И. Ты говоришь, что были слезы, а потом вы смеялись, я не понимаю... А между слезами и смехом... Откуда смеху взяться, когда так все плохо?

Л. ...Я распылялась сквозь слезы. Мы довели все до абсурда. Понимаешь? Мы говорили, например, какую цену за себя назначить, какое объявление разместить и т.д. ... И стали смеяться.

И. Вы как бы все «раздули»?

Л. Да... Это была фантазия... Мы смеялись, а мне было горько.

И. Смех сквозь слезы?

«Потом чувства, или, как их величают, эмоции, раскалываются на два внешних проявления: на смех и слезы, как придумал Вийон, и многие повторили» [2]. Повторили и мы, но не знали, что имел в виду Вийон, у нас это был злой, ироничный смех.

Позднее мы с Лилией выяснили, что возникшие фантазии — это гротеск, а слова «какую цену за себя назначить» — это ирония. Но вовлеченности, отстраненности и дистанции еще не было.

И. А почему ты сейчас улыбаешься?

Л. Да потому что мне смешно... Мне потом... после, было весело.

И. По настоящему радостно? А слезы? Что за смех?

Л. Слезы высохли... Не знаю... как-то спонтанно... от грусти... от грустного смеха — какой-то переход к доброму.

И. Это как — «вдруг»?

Л. Да!

И. По твоему, что привело к «вдруг»?

Л. Все привело: злость, обида, фантазии, распыление... Все взрывалось от одной только мысли, что если я продам себя, это останется со мной на всю жизнь... Я продам себя на всю жизнь... Если я это сделаю, я не смогу вернуться обратно.

И. Ты сделала для себя открытие?

Л. Да, да... Смешно было, как можно было вообще до такого дофантазироваться...

Было ощущение, что мы все ниже и ниже, а потом вверх, вверх. Долгий путь, обида, злость, распыления — он похож на путь Татьяны и Марины и «вдруг» один миг и отстраненность. Спонтанность... Почему, например, не запоминаются анекдоты — это мгновение, миг — постоянно изменяющаяся живая характеристика юмора.

Обратим внимание, что снова звучит ответ совести «...продам себя на всю жизнь... я не смогу вернуться обратно...» И многое становится смешным; что называется, психическое облегчение в смысле исповеди [14] — «мы все ниже и ниже, а потом вверх и вверх».

На пути «трагедия — комедия» исповедь необходима: «Нет и не может быть юмора без противоположности взаимосоотнесенных полюсов, без контраста между консервативными ценностями — мятежом, между правилом — и исключением, между нормой и прагматикой, между стабильным табу унаследованной этики — и правилом конкретного, единократного... А это значит, что человек способен к юмору в том случае и в той мере, в которой он остается способным к соблюдению заветов и запретов» [1].

И. Рискнем спросить Лилию...

И. Это юмор?

Л. Наверно... это и есть юмор... Вообще юмор, да... У меня... встроенный механизм саморегуляции, саморазвития, в нем есть отношение к себе, к ситуации с юмором.

И. И как этот механизм действует?

Л. Я ощущаю себя как я — внутренняя, переживающая и я — внешняя, наблюдающая; и есть я — мудрая, которая удерживает эти два я; я — интегрирующая... это как я — пьяная, я — трезвая и я, которая была всегда.

И. И...

Л. И я посмотрю на ситуацию в целом и засмеюсь.

И. Это как все три я?

Л. Да, триединство — целостность. Я — наблюдающая — это я — смеющаяся, хотя, может, это и четвертое я. Какое? Я — смеющаяся, более отстраненная, идущая вперед.

И. Получается, юмор — это триединство?

Л. Это принятие ситуации, данности, открытие... обличаешь явное и смеешься... радостно...

И. А ты могла бы сделать это в одиночку?

Л. Нет, одна... нет... нужен еще кто-нибудь.

И. Еще вопрос. В конце все случилось спонтанно, а какой был переход от серьезного распыления до доброго смеха?

Л. Это был долгий переход, трудно определить по времени... продолжительный... мучительный, он цеплял.

Лилия подтверждает, что путь был долгий, мучительный; «предпосылку юмора составляет неуступчивая, неподатливая серьезность» [1], и на выходе появляется юмор.

«Действительность сама по себе — не абстрактная действительность физики, а полнокровная действительность человеческой жизни — является крестообразной» [10].

И наши собеседницы не раз говорили:

«...это то, что творилось на самом деле... данность... явное».

«Наше существование — это постоянное страдание и борьба с силами, конфликтующими между собой, это парадоксы, внутренние и внешние противоречия. Они разрывают нас и тянут в противоположных направлениях, но они же и обновляют нас» [10].

Получается, для того чтобы жить, чувствовать себя живым, проживать экзистенциальный опыт, необходим юмор смеющийся, идущий вперед. Находясь в центре «креста действительности» мы обязаны держать оборону на все четыре стороны: внутрь, наружу, в прошлое и будущее. Тогда юмор — это оборона со стороны будущего, можно сказать — бесстрашие перед будущим.

А что такое будущее?

Будущее — это смерть.

«Не критическая доктрина нашей вульгарной психологии состоит в представлении, что человеческое мышление вызвано предшествующими ему причинами; на самом деле оно вызывается конечными причинами. Однако, поскольку в конце находится смерть, то мы мыслим для того, чтобы выжить» [10].

Для того и необходимо было самоубийство, о котором говорили девушки, чтоб возникло желание жить, для того чтобы появились мысли выжить, живые мысли, «живой ум на острие». Что же получается, юмор — это смерть?

В начале нашего пути стоял вопрос: юмор — это жизнь?

«Я слышал о трех китайских мистиках. Их имена неизвестны. Они известны как «Три Смеющихся Святых», потому что они никогда ничего не делали — они просто смеялись. Они ходили из одного места в другое, останавливались на рыночной площади и смеялись приятным утробным смехом. Эти три человека были прекрасны, они смеялись, а их животы колыхались. Это было так заразительно, что весь рынок начинал смеяться. Веселье распространялось молниеносно, и через несколько секунд — открыт новый мир! До их прихода на рынке были только печальные, раздраженные люди, завистливые, жадные люди, уставшие, спорящие и торгующиеся. И вдруг все преобразалось! Люди начинали смеяться с ними. И многие начинали понимать — они могут измениться, и могут сделать это сами. Смеющиеся святые странствовали по всему Китаю, из одной деревни в другую, просто помогая людям смеяться.

Но вдруг, в одной деревне, один из трех умер.

Жители деревни сказали:

— Уж теперь-то они не смогут смеяться. Их друг умер, они должны оплакивать его.

Но эти двое танцевали, смеялись и праздновали смерть.

Жители сказали:

— Ну, это уж слишком! Это ни на что не похоже. Когда умирает человек, это просто издевательство — смеяться и танцевать.

Но двое смеющихся сказали:

— Вы что, не понимаете, что случилось? Мы всегда загадывали, кто же из нас умрет первым. Этот человек победил, мы проиграли. Вся нашу жизнь мы смеялись вместе с ним. Мы не можем проводить его в последний путь по-иному! Как еще мы можем проститься с ним? Мы смеемся, мы радуемся, мы празднуем. Это единственно возможный способ прощания с человеком, который всю жизнь смеялся. И если мы не будем смеяться, он сам посмеется над нами и подумает: «Вот дураки! Они вновь попали в ловушку!» Мы не видим, что он умер. Как может смех умереть, как может жизнь умереть?

Но тело нужно было сжечь, и жители сказали:

— Вы должны обмыть его, как предусмотрено ритуалом.

Но те двое сказали, что их друг просил не придерживаться ритуала, не мыть его и не менять одежду, а просто, как есть, положить на погребальный помост. Так что они должны выполнить его пожелания.

И тут случилось нечто неожиданное. Когда тело положили на огонь, и люди стали грустить, этот старик сыграл свою последнюю шутку. Он спрятал много разных огненных хлопушек и фейерверков под одеждой. Они начали взрываться, лопаться и искриться! Это было очень ярко и красочно! И его два сумасшедших друга стали танцевать, а с ними танцевала и вся деревня, смеясь сквозь слезы.

Это была не смерть, это было возрождение, новая жизнь. Потому что смерть — это иллюзия.

Всякая смерть открывает новую дверь. Если вы можете свою печаль превратить в празднование, то вскоре вы будете в состоянии превратить вашу смерть в возрождение [15]. Так что учитесь этому искусству, пока у вас еще есть время.

«Хорошо смеется тот, кто смеется последний». Эту поговорку необходимо дополнить: хорошо смеется тот, кто смеется и первый и последний. Именно так. Необходимо устоять перед началом и дойти до конца, выжить в невозможности

прицепиться к бытию и в невозможности избежать небытия. Такое вообще можно понять без юмора? В том, что юмор — это искусство, не сомневаются многие. «Я например, не удивлюсь, ваше степенство, что за произведением искусства лежит смех» [2]. Искусство смерти и искусство возрождения.

Сколько, например, было смерти в войну. «Но народ рано или поздно начинает смеяться.

Говорят, не так страшен черт, как его малюют... в войну говорили не «фашист», не «национал-социалист» и даже не нацист, а «фриц», и за этим словом была не злоба, а прозвище, конец престижа.

Фашизм — это нечто страховидное, дьявольское, самодействующая машина. Но машину приводят в запуск люди, только очумелые «фрицы», в общем. И если ему дать в лоб, то он падает, хотя и вопит непонятное. А там, глядишь, и опомнится, и станет немцем, человеком со своими свойствами — рабочим, бухгалтером, пахарем, электронщиком. В общем, смех — это смех. Внезапное избавление от престижа» [2].

В те дни юмор, избавляя от престижа и от испуга, придавал силы и смелости. Ленинградское радио так и вещало: «...пьесы длиннее двенадцати минут нежелательны... , нужны песни, смех... Зощенко и Шварц пишут антифашистскую комедию...» [5].

В то же время заложники блокадного Ленинграда говорили о бытии. В те дни исчез, отхлынул быт. И смело в права свои вступило бытие. Ольга Бергольц [5].

«...В те дни, зимой 1942 года, особенно в феврале, месяце смерти, жизнь большинства шла по самой кромке бытия. Да, она была права: быт — с его пестротой, заботами, разнообразием и суетой — начисто исчез... — были лишь жизнь и смерть, остались лишь хлеб и дух... В ленинградской тогдашней жизни дух, как от хлеба, был неотъемлем от слова... от драгоценного юмора...» [5].

Юмор не был средством или целью, каким он представляется в словарях, он становился частью бытия. Он нес бесстрашие перед будущим. Юмор хочется представить как композиционный момент провозглашенного будущего и возрожденного прошлого: «...потом я способна по этому поводу шутить», — причем не минуя обращенности внутрь и наружу. Что созвучно с мнением О. Розенштока-Хюсси: «Ни один фронт сам по себе не достаточен, но важен каждый из них» [10].

Получается, что мы можем заключить важность «фронта» будущего в объятии «добротного смеха». Причем, появление «добротного смеха» по поводу переживаемого у наших собеседниц говорило о завершении пути «трагедия-комедия», об оформлении экзистенциального опыта!

Также необходимо отметить, что ту дистанцию, отстраненность, о которой говорили респонденты, тоже можно рассматривать в четырехмерном пространстве: дистанция по отношению к себе, к ситуации, к миру, к будущему. Причем, отстраняясь, девушки не отрицали, а принимали действительность.

Говоря о бесстрашии перед будущим, хоть мы и употребляли такие слова, как оборона, фронт, но это не защита. Собеседницы не защищались, они делали выбор в сторону юмора, что является конструктивным принятием реальности. Следовательно, наш — интриган — юмор заслуженно претендует на венчание со спонтанностью, совместностью и совестью, именно он ставит знаки препинания в проживании экзистенциального опыта, делая будущее бесстрашным, возбуждая радость встречи с ним.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что если и определять смыслы юмора знаками, то скорее знаками препинания:

смыслы юмора?

смыслы юмора!

смыслы юмора:

смыслы юмора,

смыслы юмора.

А это указывает на экзистенциальное происхождение юмора. Не природа сама по себе и не вселенная, не телесность и не духовность порождают юмор. Человеческая жизнь, расставляющая знаки препинания во времени и в пространстве, делает возможным юмор и его смыслы.

Обязанности, возложенные на нас жизнью, стоит выполнять, но если не осознавать юмор, возникающий за каждой формой нашей жизни, выполненные обязанности «не засчитываются». Экзистенциальная традиция не только открывает свободу жизни, но и скрывает юмор, делая его возможным в работе и в жизни.

Выводы

1. Юмор (настроение, интенциональность) представляет собой особый вид комического, выражающий экзистенциальное измерение в большей степени, чем все остальные виды комического. В отличие от сатиры, иронии и сарказма, юмор несет в себе конструктивность, доброжелательность, причастность к тому, что представляется смешным. В юморе под маской смешного таится серьезное.
2. Юмор выступает под покровом чувств, мыслей, решений, обновляющих бытие чувствующего, мыслящего и решающего человека. О юморе свидетельствуют:

- появление дистанции принятия. Отстраненности, но не отрицающей, а принимающей данность ситуации;
- обретение бесстрашия перед будущим. Так же не посредством образования отрицающего или защищающего заграждения, а через осознание свободы принятия и прошлого и будущего;
- оформление экзистенциального опыта.

3. Феноменальными партнерами юмора являются спонтанность, совместность и совесть. 4. Критическим условием проявления юмора является присутствие человека как в начале ситуации, так и в ее конце. Мужество юморить — это мужество начинать и заканчивать, заканчивать и начинать, но именно И-И, а не или — или.

□

Литература

1. Аверенцев С. О духе времени и чувстве юмора. www.ru/news/magazine.
2. Анчаров М.Л. Записки странствующего энтузиаста. М.: Молодая гвардия, 1998.
3. Бер Т. Дао продаж. М.: Фаир пресс, 2001.
4. Всемирное остроумие: Сборник изречений, метких мыслей, острых слов и анекдотов всех времен и народов. М.: Феникс, 1995.
5. Дичаров З. Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе. СПб.: Наука, 1996.
6. Дорцен-Смит Э., ван. Случай исследования // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2003. № 1.
7. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
8. Кинг М.Е., Цитренбаум Ч.М. Экзистенциальная гипнотерапия / Пер. с англ. С.К. Паракецова. М.: Класс, 1998.
9. Куринский В.А. Когда нет гувернантки. Автодидактика для детей и взрослых. М.; СПб.; Н.-Йорк: Автодидакт, 1997.
10. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
11. Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю. Головин: Изд. 2-е, перераб. и доп. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.
12. Уткин А.В. Осуществление парадокса взаимоположенности в смыслах образования: дипломная работа. Томск: ТГПУ, 2001.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990.
14. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Университетская книга, 1997.
15. Шенгелая Д., Чиковани М. Народный юмор, притчи, сказки. Тбилиси: Литература да

хеловнеба, 1999.

16. Шкаровская В. Изнасилованная смехом // Аргументы и факты. 2002. № 14. С. 21.

17. Шоттер Дж., Бахтин М.М., Выготский Л.С. Интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии 1996. № 6. С. 107–117.

18. Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1982.

19. James W. Principles of Psychology. L.: Macmillan, 1990.